

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-131-138>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. В. С. Ковалева
г. Смоленск, Россия

© 2020 г. О. Е. Похаленков
г. Калуга, Россия

**МОТИВ «ВСТРЕЧИ С ВРАГОМ»
В ФРЕЙМОВОЙ СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «ВРАГ»
(на материале текстов отечественной военной прозы)**

Аннотация: В статье на примере текстов отечественной военной прозы предложен возможный анализ художественного мира прозаического произведения посредством выделения фреймовой структуры концепта «враг». Под концептом понимается многоуровневое образование, в структуре которого выделяется несколько слоев. В представленной работе особое внимание уделяется ассоциативному и образному слоям. С опорой на базовое значение фрейма — последовательность нескольких эпизодов во времени — анализируются эпизоды с признаком движения, развития. Исходя из положения, что в художественном произведении фреймы представляют собой комплекс фабульных (повествовательных) мотивов, авторами рассмотрена реализация мотива «встречи с врагом» в фреймовой структуре концепта «враг» на уровне мотивной системы и системы персонажей. Основное значение фреймовой структуры концепта «враг» — военный противник — в развитии мотива «встречи с врагом» трансформируется в значение идеологического врага, т. е. врага, который не несет опасности вне поля брани. В текстах отечественной военной прозы в структуре концепта «враг» мотив «встречи с врагом» реализуется в двух направлениях: в одном происходит трансформация значения военный противник в значение идеологический враг — в большей степени это касается произведений, повествующих о войнах, предшествовавших Второй мировой; в другом направлении подобной трансформации не происходит — такова в основной массе проза писателей-фронтовиков, создававших свои произведения во второй половине XX в.

Ключевые слова: отечественная военная проза, мотив, фрейм, концепт, встреча с врагом, военный противник, идеологический враг.

Информация об авторах:

Валентина Сергеевна Ковалева — кандидат филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, 214000 г. Смоленск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2643-0549>. E-mail: vaseko58@mail.ru

Олег Евгеньевич Похаленков — доктор филологических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, ул. Степана Разина, д. 26, 248023 г. Калуга, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1573-2728>. E-mail: olegpokhalenkov@rambler.ru

Дата поступления статьи: 17.07.2019

Дата публикации: 28.09.2020

Для цитирования: Ковалева В. С., Похаленков О. Е. Мотив «встречи с врагом» в фреймовой структуре концепта «враг» (на материале текстов отечественной военной прозы) // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57. С. 131–138. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-131-138>

Известно, что художественный мир прозаического произведения может быть структурирован сценариями-фреймами. Понятие «фрейм» впервые было введено М. Минским в его работе «Фреймы для представления знаний» [5]. Позднее этот вопрос, с лингвистической точки зрения, прорабатывался Ч. Филлмором [9]. В настоящее время не исключается возможность анализа художественного мира прозаического произведения, в частности текстов военной прозы, посредством выделения фреймовой структуры концепта.

Концептом называют многоуровневое образование, в структуре которого выделяется несколько полей (слоев), включающих один из определяющих элементов — понятийный. Считается, что именно понятийный слой является базовой основой, в то время как остальные элементы концепта — это коннотативные приращения, которые возникают в среде носителей языка. В лингвистике существует описание шести слоев концепта: предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический, ценностно-оценочный [6, с. 74–75].

Целью данной работы является рассмотрение реализации мотива «встречи с врагом» в фреймовой структуре концепта «враг» на уровне мотивной системы и системы персонажей. В данном исследовании особое внимание уделяется ассоциативному и образному слоям названного концепта, а также сценариям-фреймам, структурирующим художественный мир военной прозы.

В работе мы опираемся на базовое значение фрейма-сценария как на последовательность нескольких эпизодов во времени, имея в виду прежде всего стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Фактически это фреймы, разворачивающиеся во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов, например посещение кино, поездка в другой город, посещение ресторана, поликлиники, драка, игра, экскурсия [5, с. 119]. Уточним, что при анализе текста с нарратологической точки зрения используется термин «мотив», обращение же к когнитивному анализу позволяет задействовать терминологический аппарат данной отрасли филологической науки, т. е. оперировать терминами «фрейм», «концепт» и т. д. Подобный подход возможен потому, что в художественном произведении фреймы представляют собой комплекс фабульных (повествовательных) мотивов.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно провести анализ всего корпуса текстов военной прозы. Поэтому внимание обращается на те из них, которые, на наш взгляд, иллюстрируют новую для мировой литературы в целом тенденцию — включение мотива «встречи с врагом» в фреймовую структуру концепта «враг».

Обращаясь к истокам, скажем, что в художественной литературе еще с XVII в. мотив «встречи с врагом» стал неотъемлемой составляющей мотивной структуры текста военной прозы, так как в этот период происходит изменение характера войны и меняется значение самой ситуации — встречи с врагом. В ее развитии происходит уникальная трансформация персонажа-врага: из противника, от которого исходит смертельная опасность, он превращается в невольного участника событий, который не несет угрозы вне поля брани (фронта).

Причины изменений в интерпретации военного конфликта и роли в нем человека (как непосредственного участника) лежали в подходе к художественной подаче образа героя. В связи с тем, что с течением времени войны перестали носить благопристойный характер, нормы гуманного поведения — и для армии в целом, и для каждого отдельно взятого солдата — оказались забытыми. По этому поводу уместно обратиться к одной из записей в дневнике В. Г. Короленко: «Прекрасно нападать и прекрасно защищаться. Рыцарство состояло в признании законности и красоты в действиях обеих сторон. Это значило — вообще прекрасна война <...>. В нашей нынешней войне нет ни капли рыцарства <...>. Причин много, но одна из важных — глубоко психологическая. Это отрицание самого права войны. Умерло “право и закон войны” <...>. И оттого она теперь общепризнанное преступление <...>» (10 февраля 1916 г.) [3, с. 265].

В высказывании В. Г. Короленко подчеркивается значимая характеристика, которая, по мнению писателя, и делала войну прекрасной — ее соотношение с рыцарством, а значит, с той трансформацией, которая ее венчала, — превращением попавшего на войну солдата в героя. Однако в XIX в. эта тенденция — взгляд на ведение военных действий как на рыцарское поведение — начала разрушаться. Значимые изменения происходили и потому, что авторами произведений чаще всего становились писатели, знавшие войну не понаслышке, а по собственному опыту, собственными глазами видевшие изнанку изображаемых в литературе героических и романтических событий.

Подобная тенденция прослеживается не только в зарубежной, но и в отечественной традиции изображения персонажей военной прозы.

Возьмем для примера сцену встречи Пьера Безухова и маршала Даву (пленника и победителя) из романа-эпопеи «Война и мир» Л. Толстого. Даву должен отдать приказ о казни Пьера: «Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий суда и войны, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно предчувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья. В первом взгляде для Даву, приподнявшего голову от своего списка, где людские дела и жизнь называлась номерами, Пьер был только обстоятельством; и, не взяв на совесть дурного поступка, Даву застрелил бы его; но теперь уже он видел в нем человека. Он задумался на мгновение» [8, с. 42–43].

Как следует из отрывка, основное значение фреймовой структуры концепта «враг» — *военный противник* — в развитии мотива «встречи с врагом» трансформируется в значение *идеологического врага*, т. е. врага, который не несет опасности вне поля брани. Подобные характеристики можно найти и на уровне ассоциативного, и на уровне образного слоя концепта: это лексема «человек», соответствующая образу *человека*, а не *врага*, а также лексема «брат», относящаяся к Пьеру, и др.

Мотив «встречи с врагом» находит отражение и в очерке «Севастополь в мае» (1855), который был написан по личным впечатлениям Л. Н. Толстого о ходе Крымской войны. Чтобы убрать и похоронить погибших, французы и русские договариваются на несколько дней о перемирии, во время которого противники запросто общаются друг с другом, как могли бы общаться в мирное время: «Вот пехотный бойкий солдат, в розовой рубашке и шинели внакидку, в сопровождении других солдат, которые, руки за спину, с веселыми, любопытными лицами, стоят за ним, подошел к французу и попросил у него огня закурить трубку. Француз разжигает, расковыривает трубку и высыпает огня русскому. “Табак бун”, — говорит солдат в розовой рубашке, и зрители

улыбаются. “Oui, bon tabac, tabac turc, — говорит француз, — et chez vous tabac russe? bon?” “Рус бун”, — говорит солдат в розовой рубашке, причем присутствующие покачиваются со смеху. “Франсе нет бун, бонжур, мусье”, — говорит солдат в розовой рубашке, сразу уж выпуская весь свой заряд знаний языка, и треплет француза по животу и смеется. Французы тоже смеются» [7].

Вышеприведенный пример иллюстрирует авторскую позицию разделения значений концепта «враг» — *военный противник* и *идеологический враг*. В рамках мотива «встречи с врагом», в условиях объявленного перемирия, у недавних военных противников нет причины ненавидеть друг друга. На это указывает и нейтральное повествование: нет лексем с негативной характеристикой, которые бы создавали отрицательный ассоциативный ряд.

Продолжателем этой традиции европейской и русской литературы является В. М. Гаршин. Когда был написан рассказ В. Гаршина «Четыре дня» (1877), в русской литературе уже был широко известен и популярен Л. Н. Толстой. Тем не менее военные рассказы В. М. Гаршина производили огромное впечатление на читателей. В них убедительно описываются будни русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В рассказе «Четыре дня» очень подробно передано душевное состояние героя рассказа — молодого солдата Иванова, от лица которого ведется повествование. Действие происходит недалеко от окопов обеих воюющих сторон, на опушке леса, где после сражения остались лежать два солдата: один — убитым, другой — раненым. В течение четырех дней, которые Иванов вынужден провести рядом с убитым турком, он переживает глубокий душевный кризис. У него не только меняется представление о войне и смысле войны — меняется и видение врага. Чувство ненависти, с которым он шел в атаку и убивал, сменяется чувством сострадания. Таким образом, в концепте «враг» происходит трансформация значения *военный противник* в значение *идеологический враг*. Кроме того, происходит иное разворачивание фрейма сценария: ситуация встречи с врагом связана с символической смертью одного из действующих лиц — врага-турка: «Передо мною лежит убитый мною человек. За что я его убил? Он лежит здесь мертвый, окровавленный. Зачем судьба пригнала его сюда? Кто он? Быть может, и у него, как у меня, есть старая мать. Долго она будет по вечерам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север: не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец?.. А я? И я также... Я бы даже поменялся с ним. Как он счастлив: он не слышит ничего, не чувствует ни боли от ран, ни смертельной тоски, ни жажды... Штык вошел ему прямо в сердце... Вот на мундире большая черная дыра; вокруг нее кровь. Это сделал я. Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что и мне придется убивать людей, как-то уходила от меня. Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пули» [2].

Б. Л. Васильев, описывая в романе «Были и небыли» [1, т. 4] войну на Балканах, предлагает похожую на описанную у В. Гаршина контекстную ситуацию. Главный герой романа, молодой поручик Олексин, прибыв в рядах волонтеров на борьбу с турками в Сербию, приходит к мысли, что война — это не только романтические идеалы свободы, но и человеческие жертвы.

Во время наступления турок поляк Отвиновский убивает раненого Совривовича и на обвинение в убийстве отвечает Олексину: «Теперь вы поняли, господин идеалист, что война — это мерзость? — насильственно улыбнулся поляк. — Как бы там ни было, а пора уходить. Вместе идем, или вам теперь со мной не по дороге? Да что с вами, поручик?» [1, т. 4, с. 330].

Некоторое время спустя Олексин на собственном опыте убеждается в безжалостной сути войны: «Из-за дерева, до которого он почти добежал, вдруг выдвинулся турок. Это было как во сне: и неожиданность появления турка, и его рост, казавшийся Олексину огромным, и несоразмерно длинное ружье, которое держал он наперевес, направив штык в живот поручику. Гавриил выстрелил, не останавливаясь и не целясь, с пронзительной ясностью увидел, как брызнула из лица кровь, как турок выронил винтовку и начал падать, хватаясь за воздух руками. Олексин перепрыгнул через него, заметил в кустах синие мундиры, трижды выстрелил. Кто-то закричал там, кто-то упал, катаясь по земле, а он успел подумать только о том, что у него остался последний патрон в револьвере. Только об этом, потому что в следующее мгновение ощутил режущий острый удар, звоном отдавшийся в голове» [1, т. 4, с. 330–331].

Раненый Олексин попадает в плен. И ему, как когда-то Отвиновскому, пришлось пристрелить мучившегося от ран болгарина, подвешенного турками к дереву. Олексин попросил турецкого офицера застрелить бедолагу, уже заживо гниющего. «Да, это жестокая смерть, — согласился турок. — Как вы говорили? Война — это когда засыпает Бог? Вероятно, ему снятся кошмарные сны. — Он достал револьвер, протянул Гавриилу. — Пристрелите сами, если хотите» [1, т. 4, с. 350].

Есть в романе и весьма показательная беседа плененного Олексина с турецким военным:

— Вы христианин, я мусульманин, и мы сидим за одним столом, — сказал он. — Сидим, не чувствуя никакой ненависти, во всяком случае я ее не чувствую. И естественно возникает вопрос: а существует ли она вообще — эта ненависть к иноверцам, которую веками внушали нашим народам? А может быть, мы молимся одному Богу, только называя его по-разному? Вам не приходило это в голову?

— А вам не приходило в голову, что войны происходят тогда, когда Бог засыпает?

— Это мысль! — рассмеялся турок. — В таком случае он слишком часто спит.

[1, т. 4, с. 348]

Отпуская Олексина на свободу, турок показывает ему дорогу:

— Отсюда держите прямо на север, до Моравы. Берегом выйдете к своим.

— Зачем вы это делаете?

— Не знаю. — Турок пожал плечами. — Я поставил себя на ваше место и понял, что поступил бы так же

[1, т. 4, с. 349]

Как видно из приведенного отрывка, значение *военный противник* концепта «враг», как и в текстах Л. Толстого, В. Короленко, В. Гаршина, трансформируется в значение *идеологический враг*. Оба персонажа из романа Б. Васильева не видят причины для вражды вне поля сражений.

Б. Васильев в своих многочисленных произведениях о войне часто обращается к концепту «враг», по-особому, по-васильевски, выделяя в его структуре мотив «встречи с врагом». В романтически пронзительной повести «А зори здесь тихие...» [1] таких встреч с врагом несколько.

Прежде всего, они были у каждой из пяти зенитчиц.

У Риты Осяниной первой встречей с врагом стало нападение фашистов на заставу, где командиром был ее муж, погибший на второй день войны. Участвуя в семнадцатидневной обороне заставы, она воочию не видела врагов, но в сердце своем затаила

ненависть к ним. И когда, уже став зенитчицей, она подбила немецкий аэростат, из которого выбросился корректировщик, Осянина расстреляла врага. Правда, ее трясло после этого, потому что стреляла она все-таки в человека. Но он был военным противником, захватчиком, пришедшим убивать.

Личный счет к фашистам был и у Жени Комельковой. Ее первая встреча с врагом была связана с расстрелом ее семьи.

Соня Гурвич, Лиза Бричкина и Галя Четвертак впервые столкнулись с врагами в лесу. У каждой из них были свои причины ненавидеть фашистов.

На уровне ассоциативного и на уровне образного слоя концепта «враг» Б. Васильев использует следующие лексемы-характеристики: *ненавидеть, прикончить, убить, личный счет, чужой, детина, серо-зеленые фигуры, гадливость, падаль*. Писатель всячески подчеркивает, что его героини имеют дело с военным противником. Когда Женя убила напавшего на Васкова фашиста, ее стало тошнить. Васков «не трогал Комелькову, не окликал, по себе зная, что первая рукопашная всегда ломает человека, переступая через естественный, как жизнь, закон “не убий”». Тут привыкнуть надо, душой очерстветь, и не такие бойцы, как Евгения, а здоровенные мужики тяжело и мучительно страдали, пока на новый лад перекраивалась их совесть. А тут ведь женщина по живой голове прикладом была, баба, мать будущая, в которой самой природой ненависть к убийству заложена. И это тоже Федот Евграфыч немцам в строку вписал, потому что преступили они законы человеческие и тем самым сами вне всяких законов оказались» [1, с. 266].

Жестокий и коварный враг не знает чувства сострадания, в повести «А зори здесь тихие» не происходит его трансформации в идеологического противника. У автора другая задача — через мотив «встречи с врагом» показать бесчеловечность захватчиков, подтверждением чему служат слова Васкова: «Тут одно понять надо: не люди это. Не люди, товарищ боец, не человеки, не звери даже — фашисты. Вот и гляди соответственно» [1, с. 267].

В военных произведениях Б. Васильева и других писателей-фронтовиков Вторая мировая война часто лишена рыцарского флера: это кровавая бойня, исключаяющая человеческое начало у представителей вражеской, захватнической армии.

Таким образом, в текстах отечественной военной прозы в структуре концепта «враг» мотив «встречи с врагом» реализуется в двух направлениях: в одном происходит трансформация значения *военный противник* в значение *идеологический враг* (в большей степени это касается произведений, повествующих о войнах, предшествовавших Второй мировой); в другом подобной трансформации не происходит (такова в основной массе проза писателей-фронтовиков, создававших свои произведения во второй половине XX в.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Васильев Б. Л. А зори здесь тихие. Повесть // Васильев Б. Л. Собр. соч.: в 8 т. Смоленск: Траст-Имаком; Русич, 1994. Т. 1. С. 203–297. Т. 4. С. 39–544.
- 2 Гаршин В. М. Избранные рассказы // Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/garshin_vsevolod/chetire_dnya.html/ (дата обращения: 19.02.2016).
- 3 Короленко В. Г. Книга об отце. Ижевск: Удмуртия, 1968. 382 с.
- 4 Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
- 5 Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
- 6 Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. 280 с.

- 7 Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы // Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/tolstoy_lev/sevastopolskie_rasskazi.html/ (дата обращения: 19.02.2016).
- 8 Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 4. 541 с.
- 9 Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 52–93.

© 2020. Valentina S. Kovaleva
Smolensk, Russia

© 2020. Oleg E. Pokhalenkov
Kaluga, Russia

**THE MOTIF OF “MEETING AN ENEMY”
IN THE FRAME STRUCTURE OF THE CONCEPT “ENEMY”
(basing on texts of Russian military prose)**

Abstract: The paper offers plausible analysis of the poetic space of a prose work by highlighting the frame structure of the concept “enemy” by the example of the Russian war prose. By the concept “enemy” the authors mean a multi-level phenomenon, the structure of which implies several layers. In this paper, special attention is paid to the associative and figurative layers. Relying on a basic value of the frame — a sequence of several episodes in time — episodes with a sign of movement and development are analyzed. Based on the assumption that the frames in a work of fiction is a complex of plot (narrative) motifs, the authors consider the implementation of the motif of “meeting with the enemy” in the frame structure of the concept “enemy” at the level of the motif-system and the system of characters. Main meaning of the frame structure of the concept of “enemy” — a military opponent — in the development of the motif “meeting the enemy” is transformed into the meaning of an ideological enemy, that is, an enemy that does not constitute danger outside the battlefield. In the texts of the Russian war prose in the structure of the concept “enemy” the motif of “meeting the enemy” is implemented in two directions: in the first one we see the transformation of the meaning a military opponent into an ideological enemy. It mostly regards the works about wars preceding the Second World War; however there is no such transformation in terms of another direction — which actually illustrates the bulk of the prose of writers-veterans who created their works in the second half of the twentieth century.

Keywords: Russian war prose, motive, frame, concept, meeting with the enemy, military opponent, ideological enemy.

Information about the authors:

Valentina S. Kovaleva — PhD in Philology, Assistant Professor, Smolensk State University, Przhhevskiy St., 4, 214000 Smolensk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2643-0549>. E-mail: vaseko58@mail.ru

Oleg E. Pokhalenkov — PhD in Philology, Assistant Professor, K. E. Tsiolkovski Kaluga State University, Stepan Razin St., 26, 248023 Kaluga, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1573-2728>. E-mail: olegpokhalenkov@rambler.ru

Received: July 17, 2019

Date of publication: September 28, 2020

For citation: Kovaleva V. S., Pokhalenkov O. E. The motif of “meeting an enemy” in the frame structure of the concept “enemy” (basing on texts of Russian military prose). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 131–138. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-131-138>

REFERENCES

- 1 Vasil'ev B. L. A zori zdes' tikhie. Povest' [The dawns here are quiet. Story]. In: Vasil'ev B. L. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.]. Smolensk, Trast-Imakom; Rusich Publ., 1994, vol. 1, pp. 203–297; vol. 4, pp. 39–544. (In Russian)
- 2 Garshin V. M. Izbrannye rasskazy [Selected stories]. In: *Royallib.com*. Available at: https://royallib.com/book/garshin_vsevolod/chetire_dnya.html/ (accessed 19 February 2016). (In Russian)
- 3 Korolenko V. G. *Kniga ob ottse* [A book about my father]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1968. 382 p. (In Russian)
- 4 Minskii M. *Freimy dlia predstavleniia znanii* [Frames for the representation of knowledge]. Moscow, Energiia Publ., 1979. 152 p. (In Russian)
- 5 Popova Z. D. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST; Vostok-Zapad Publ., 2007. 314 p. (In Russian)
- 6 Tarasova I. A. *Idiostil' Georgiia Ivanova: kognitivnyi aspekt* [George Ivanov's idiosyncrasy: the cognitive aspect]. Saratov, Izdatel'stvo SGU Publ., 2003. 280 p. (In Russian)
- 7 Tolstoi L. N. Sevastopol'skie rasskazy [Sevastopol stories]. In: *Royallib.com*. Available at: https://royallib.com/book/tolstoy_lev/sevastopolskie_rasskazi.html/ (accessed 19 February 2016). (In Russian)
- 8 Tolstoi L. N. Voina i mir [War and peace]. In: Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [Collected works: in 12 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1987. Vol. 4. 541 p. (In Russian)
- 9 Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniia [Frames and semantics of understanding]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1988, vol. 23: Kognitivnye aspekty iazyka [Cognitive aspects of language], pp. 52–93. (In Russian)